
И. Е. БАРЫКИНА

**ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ
В СТАТЬЯХ В. Г. ЧЕРНУХИ
(по материалам сборников ВИД)**

В январе 1968 г. увидел свет первый выпуск сборника «Вспомогательные исторические дисциплины». В статье, предворявшей публикации тома, были обозначены задачи издания: предполагалось расширить круг специальных исторических дисциплин, традиционно охватывавший преимущественно «источники средневековья», и «обратить особое внимание на изучение источников нового и новейшего» времени¹. Выход сборника стал ярким явлением в отечественной исторической науке. Спустя десятилетие редакционная коллегия отметила, что учреждение этого ежегодного издания было вызвано необходимостью «развития исторических исследований», для чего «надо было объединить исследовательские силы, занимающиеся вспомогательными дисциплинами, и предоставить им возможность печататься в специальном сборнике»². Идея издания возникла в Ленинградском отделении Археографической комиссии. В редколлегию, которую возглавил С. Н. Валк, вошли сотрудники Ленинградского отделения Института истории Академии наук; ответственным секретарем стала ученица С. Н. Валка — В. Г. Чернуха.

Валентина Григорьевна Чернуха не только более 30 лет входила в состав редколлегии сборника, но и была его постоянным автором. За это время (с 1968 по 1998 г.) ею было опубликовано 15 статей. Две из них — мемориальные, написанные в соавторстве с сотрудниками Института истории, посвящены С. Н. Валку³, остальные раскрывают тему, ставшую

¹ От редакции // ВИД. Л., 1968. Т. 1. С. 3.

² От редакции // ВИД. Л., 1978. Т. 10. С. 3.

³ Носов Н. Е., Рутенбург В. И., Чернуха В. Г. Сигизмунд Натанович Валк // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 330–333; Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г. С. Н. Валк (1887–1975) // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 299–316.

магистральной в научной деятельности В. Г., — упущенные возможности внутривосточного развития Российской империи, нереализованные исторические альтернативы. Эта тема рассматривалась в главной работе В. Г. — «Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.» (Л., 1978). Частично материал, опубликованный в сборниках ВИД, вошел в книгу, но работа над темой была продолжена и после публикации монографии — в журнальных статьях и монографиях «Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века» (Л., 1989) и «Паспорт в России. 1719–1917 гг.» (СПб., 2007).

Работы В. Г. отличает особое внимание к историческому источнику. Способность реконструировать эпоху на основании законодательного документа, записки или дневниковой записи, на первый взгляд ничем не примечательных, но раскрывающих перед вдумчивым и внимательным исследователем существо внутривосточного процесса, сформировалось у В. Г. еще в студенческие годы, в период семинарских занятий под руководством С. Н. Валка. В статье, посвященной деятельности Сигизмунда Натановича, В. Г. Чернуха и Р. Ш. Ганелин вспоминали о специальном семинаре, «в котором участвовали не только студенты разных курсов, но и окончившие университет, аспиранты и даже “остепенившиеся” ученики. Объединяемые темой общего звучания, они составляли ученое собрание, рассматривавшее широкий круг вопросов, по преимуществу относившихся ко второй половине XIX в.»⁴. Сотрудники и ученики С. Н. (в том числе В. Г.) с огромным уважением говорили о его «нравственном воздействии»⁵, «тонком историко-психологическом анализе мемуарной литературы»⁶, подчеркиваемой им «важности и ценности непредубежденного девственно свежего взгляда на источник»⁷.

Если семинарские занятия в университете были для В. Г. своеобразной теоретической подготовкой, то практической школой источниковедения стала работа в Ленинградской группе Института славяноведения АН СССР, куда она поступила спустя пять лет после окончания университета. В 1958–1962 гг. В. Г. участвовала в подготовке к печати документов, посвященных польскому восстанию 1863–1866 гг. Это совместное многотомное издание Польской Академии наук и АН СССР, приуроченное к столетней годовщине восстания, освещало

⁴ Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г. С. Н. Валк (1887–1975). С. 315.

⁵ Носов Н. Е., Рутенбург В. И., Чернуха В. Г. Сигизмунд Натанович Валк. С. 333.

⁶ Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г. С. Н. Валк (1887–1975). С. 314.

⁷ Там же. С. 315.

русско-польские революционные связи⁸. В. Г. много времени уделяла архивным изысканиям в фондах ЦГИАЛ (в настоящее время — ЦГИА СПб), ГИАЛО (ныне — Ленинградский областной государственный архив) и ИРЛИ, выявляя документы, относящиеся к этому событию, а затем составляя комментарии к ним.

В этот период сложилась особая форма работы В. Г. с историческими источниками, которой она придерживалась на протяжении всей научной деятельности. Каждый найденный документ В. Г. заносила в свою картотеку, постепенно формировавшуюся по тематическому (а внутри темы — по хронологическому) принципу. Внешне картотека напоминала систематический указатель, состоящий из каталожных ящиков, наподобие тех, что стоят в библиотечных залах. Оформление карточек было своеобразным, соответствовавшим внутренней работе сознания исследователя. Здесь можно было найти данные о документе или сам документ, переписанный В. Г., а также сведения об интересующем ее персонаже с перечнем источников. Встречая новый источник, опубликованный или неопубликованный, В. Г. помещала записи о нем в картотеку в соответствии с датой его создания или рассматриваемого в нем исторического события. Эта картотека, пожалуй, и составляет главную часть архива В. Г., ожидающую изучения, систематизации и представляющую интереснейший и весьма содательный объект исследования.

Благодаря внимательному отношению к документу В. Г. совершала значительные источниковедческие открытия, менявшие или детализировавшие картину прошлого. Научным открытием становилось не только обнаружение нового документа, но чаще всего — более точная идентификация источника, уже введенного в научный оборот, причем уточнения основывались на деталях, ускользнувших от других исследователей. «разбросанных» по разным источникам, но подмеченных и скрупулезно собранных В. Г. При этом она очень деликатно относилась к мнению своих предшественников, допустивших неточность: каждый раз, внося свои коррективы, подчеркивала, что историк, обнаруживший документ, уже тем самым внес важный вклад в науку.

В. Г. была глубоким знатоком источников по внутренней политике второй половины XIX в. В своих работах она привлекала широкий круг документов, не только напрямую относившихся к внутривнутриполитическому процессу, но и косвенно его характеризовавших, — такие как воспоминания и переписка. Не случайно одна из ее статей в сборнике ВИД была

⁸ Русско-польские революционные связи : документы и материалы : в 2 т. М., 1963 ; Следственные показания о восстании 1863 года. М., 1965.

посвящена мемуарам петербургских чиновников⁹. В. Г. определила свой подход к отбору источников этого плана как «узкий», сконцентрированный на «малом» круге воспоминаний, отражающих службу их авторов в центральной администрации. Этот принцип был обусловлен интересом ученого к проблемам «истории высших и центральных государственных учреждений, внутренней политики»¹⁰. Коротко остановившись на характеристике русской мемуаристики и исторической журналистики XIX в.¹¹, В. Г. проанализировала опубликованные в исторических журналах мемуары столичных чиновников. В «пестрой картине» воспоминаний историк выделила несколько групп источников: автобиографии, очерки «об отдельных случаях или периодах служебной деятельности», «портретные зарисовки правительственных деятелей или чиновников высокого ранга», «воспоминания-некрологи»¹². В. Г. отметила важность изучения мемуарной литературы при реконструкции внутривластного процесса: «если официальный документ позволяет установить, что было, то документы мемуаристики дают возможность объяснить, как было», «порой содержат весьма ценные сведения»¹³. В. Г. подчеркнула основные принципы источниковедческого анализа, предостерегая от слепого следования за документом. Учитывая специфику мемуарной литературы, важно выяснить «побудительные мотивы написания записок и те цели, которые авторы перед собою ставили» для оценки достоверности источника¹⁴.

В. Г. мастерски владела приемами научного анализа документа, будь то законодательный акт или фрагмент дневника. Этот исследовательский дар появился при подготовке сборников документов из серии «Государственные деятели России глазами современников», посвященных двум российским императорам — Александру II и Александру III¹⁵. Оба тома вызвали неподдельный интерес широкой читательской аудитории. В. Г. умела «разговорить» источник и обладала способностью рассказать о нем так, чтобы заинтересовать и знатоков истории, и неподготовленных читателей. Ее комментарии в сборниках документов представляют особый жанр. Они яркими мазками рисуют образ составителя документа.

⁹ Чернуха В. Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // ВИД. Л., 1983. Т. 14. С. 195–216.

¹⁰ Там же. С. 196.

¹¹ Там же. С. 197–205.

¹² Там же. С. 209–213.

¹³ Там же. С. 215–216.

¹⁴ Там же. С. 206–209.

¹⁵ Александр Второй : Воспоминания. Дневники. СПб., 1995 ; Александр Третий : Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

реконструируют время, в которое появился источник, раскрывая причины и цели его создания, определяя место в жизни эпохи. Читателю, обратившемуся к комментариям, становится понятной связь между историческим персонажем и созданным им текстом; разноцветные камушки исторической мозаики складываются в отчетливую картину. Этот удивительный дар — увидеть эпоху в нескольких фразах источника — проявился уже в первых статьях В. Г.

Статьи В. Г., опубликованные в сборниках ВИД, связаны одной общей темой — проблемой выбора самодержавной властью пути развития государства; но при этом их можно условно разделить на группы по направлениям исследования: воссоздание истории государственных учреждений и общественных организаций, характеристика мемуарной литературы, анализ программных записок государственных деятелей и законодательных актов.

Особое внимание В. Г. уделяла судьбе Совета министров, в которой нашли отражение конституционные поиски российской власти и общества во второй половине XIX в. Эта тема стала магистральной в ее монографии о внутренней политике. Статьи В. Г., предварявшие появление книги, отражали сюжетные линии монографии: конституционные проекты; история создания и деятельности Совета министров; разработка реформы налогообложения во второй половине XIX в. В книге эти три сюжета составляют главы, объединенные предметом исследования — «отношение самодержавия к трансформации абсолютной монархии в конституционную»¹⁶.

В монографии предметом научного исследования стали конституционные проекты П. А. Валуева (1863), вел. кн. Константина Николаевича (1866, 1880), попытка проведения политической реформы П. А. Шуваловым (в начале 1870-х). До этого в поле зрения ученых в основном оказывался «конституционный проект» М. Т. Лорис-Меликова. По мнению историка, эти проекты являлись «консервативным вариантом буржуазных преобразований»¹⁷. В. Г. подчеркнула сложность оценки выдвигаемых проектов и деятельности их авторов, указав на «парадокс правительственного “конституционализма”» — сочетание консервативных целей и либеральных мер, выбранных в качестве средства их достижения¹⁸.

Подчеркнув, что отношение самодержавия к этим проектам было одним из «наиболее острых вопросов политики», В. Г. выделила два подхода

¹⁶ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 74.

¹⁸ Там же. С. 16.

власти к решению проблемы: с одной стороны, пресечение требований введения представительных учреждений, выдвигавшихся обществом; с другой — «некоторые уступки», отражавшие «кризис “верхов”». Историк отметила неизученность этой стороны внутренней политики, что и определило цель исследования — «выяснение меры, степени и формы уступки, которые обсуждались в правительственных кругах» во второй половине XIX в.¹⁹

Одним из главных персонажей монографии стал П. А. Валуев, фигура первого плана внутренней политики Российской империи той эпохи. Оказавшись сначала во главе Министерства внутренних дел (1861–1868), затем возглавив Министерство государственных имуществ (1872–1879), на последнем этапе служебной карьеры он стал председателем Комитета министров (1880–1881). Это был один из немногих российских государственных деятелей второй половины XIX в., имевших свою программу. При этом он не оставлял мысли о введении в России представительных начал в целях сохранения и укрепления самодержавия, разрабатывая и корректируя проекты создания центральных представительных учреждений. Очевидно, документы, связанные с фигурой этого государственно-го деятеля, оказались в центре внимания В. Г. еще в период ее архивной работы в Институте славяноведения. П. А. Валуев находился на посту министра внутренних дел в то время, когда в Царстве Польском вспыхнуло восстание, так что историки, занимавшиеся изданием материалов о русско-польских революционных связях, не могли обойти стороной документы его личного фонда.

Дневники П. А. Валуева до настоящего времени остаются одним из главных источников по истории правительственного «конституционализма». Однако В. Г. ввела в научный оборот новые источники, что позволило внести уточнения в историю создания Совета министров. Одним из них стала всеподданнейшая записка П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. «Общий взгляд на положение дел в империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства», написанная в первый год руководства Министерством внутренних дел и упоминаемая в дневнике. В ней П. А. Валуев впервые сформулировал идеи своей программы.

В. Г. подвергла записку Валуева научному анализу в двух статьях, опубликованных в сборниках ВИД²⁰, а затем резюмировала ее основные

¹⁹ Там же. С. 17–18.

²⁰ Чернуха В. Г.: 1) Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // ВИД. Т. 7. С. 210–220; 2) Конституирование Совета министров (1861 г.) // ВИД. Л., 1976. Т. 8. С. 164–184.

положения в монографии²¹. Первая публикация так и называлась — «Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г.». В. Г. подробно описала историю создания документа и его обнаружения, рассмотрев содержание в цепи других программных записок министра²². Записка от 22 сентября 1861 г. находилась не в фонде П. А. Валуева, а в личном архиве П. Е. Щеголева (РГИА. Ф. 1093. Д. 339. Л. 3–13). Наиболее яркие маргиналии Александра II, внимательно прочитавшего документ, процитировал В. Я. Лаврычев в монографии «Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1917 гг.)» (М., 1974)²³, но в широкий научный оборот источник был введен В. Г. В записке, хоть и в завуалированной (но прекрасно понятой императором) форме, Валуев поднимал вопрос о создании представительных учреждений. Другие положения документа касались децентрализации центральной власти, расширения прав Комитета министров и особого положения его председателя, укрепления полиции. В маргиналиях Александр II очень резко отозвался о возможности ущемления его власти, настаивая на сохранении «коренных основ монархического и самодержавного правительства» и указывая на недопустимость «учреждения 1-го министра»²⁴. Однако другие идеи П. А. Валуева были им одобрены, в частности, основы политики в отношении печати. Эти положения записки В. Г. детально проанализировала позднее в монографии о печати²⁵.

Положения записки, касавшиеся децентрализации управления и создания объединенного правительства, В. Г. рассмотрела в статье, посвященной конституированию Совета министров²⁶.

В выпусках ВИД В. Г. последовательно воссоздавала историю учреждения Совета министров, ранний период его деятельности, затем время наивысшей активности и ее спад²⁷. Эти статьи стали значительным явлением в отечественной историографии — до того времени отсутствовали специальные исследования по этой теме. В. Г. не только выявила основные направления деятельности учреждения, определила его значение,

²¹ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма ... С. 22–27.

²² Чернуха В. Г. Программная записка министра внутренних дел ... С. 213.

²³ Там же. С. 212.

²⁴ Там же. С. 217–218.

²⁵ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 56–57.

²⁶ Чернуха В. Г. Конституирование Совета министров (1861 г.). С. 164–184.

²⁷ Чернуха В. Г.: 1) Совет министров в 1857–1861 гг. // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 120–137; 2) Конституирование Совета министров (1861 г.). С. 164–184; 3) Совет министров в 1861–1882 гг. // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 90–117.

место и роль в системе государственного управления пореформенного периода, но и уточнила дату появления в системе государственной власти. Отметив скудость архивных материалов, относящихся к основанию Совета министров, В. Г. реконструировала историю его создания на основании сведений, изложенных С. М. Середониным в «Историческом обзоре деятельности Комитета министров» (СПб., 1902–1904). Другим источником стала всеподданнейшая записка П. А. Валуева от 24 октября 1861 г.

Оба автора упоминали о документах, в которых разрабатывались идеи создания Совета министров. С. М. Середонин привел текст записки «Внутренние реформы» без указания ее авторства. П. А. Валуев коротко пересказал общее содержание двух записок, представленных в 1857 г. главноуправляющим II Отделением СЕИВК гр. Д. Н. Блудовым Александру II и находившихся в деле Совета министров (РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 1), но впоследствии утраченных. Упоминание о двух последних документах было обнаружено В. Г. также в записке управляющего делами Комитета министров А. П. Суковкина от 29 ноября 1857 г.²⁸

Анонимная записка «Внутренние реформы», обосновывавшая необходимость создания Совета министров под председательством императора, не была датирована. В. Г. полагала, что ее авторство могло принадлежать М. П. Позену, полтавскому помещику, активно представлявшему Александру II предложения государственных преобразований в период подготовки крестьянской реформы. В. Г. основывала свои предположения на дневнике А. В. Никитенко, передавшего содержание одной из записок Позена, мысли которой совпадали с теми, что были высказаны во «Внутренних реформах»²⁹. Косвенные данные помогли историку датировать анонимную записку не позднее 8 июня 1856 г., когда она была передана императором П. Д. Киселеву на отзыв, о чем свидетельствовала помета последнего на литографированном экземпляре³⁰.

На основании научного анализа этих документов В. Г. восстановила ход событий, предшествовавших появлению Совета министров. Время его создания историк относила к ноябрю – декабрю 1857 г., основываясь на записке А. П. Суковкина, содержавшей пять вопросов, «касавшихся состава, компетенции и порядка деятельности проектируемого Совета». В. Г. полагала, что в конце ноября 1857 г. гр. Д. Н. Блудов представил Александру II записки, обосновывавшие необходимость учреждения Совета министров. После ознакомления с ними император передал бумаги председателю Государственного совета и Комитета министров

²⁸ Подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Совет министров в 1857–1861 гг. С. 125–129.

²⁹ Там же. С. 125–126.

³⁰ Там же. С. 126.

кн. А. Ф. Орлову, поручив ему составить «на их основании проект положения о Совете министров». Орлов перепоручил это А. П. Суковкину, у которого в процессе работы над документом возник ряд вопросов. Он изложил их в записке на имя кн. А. Ф. Орлова и передал ее 29 ноября 1857 г., предлагая «испросить “высочайшее мнение”». Орлов направил записку Суковкина Александру II, чьи пометы и стали ответом на вопросы чиновника³¹. На основании этих помет был составлен документ, который «и следует считать “положением о Совете министров”», регулировавшим на протяжении четырех лет его деятельность³².

В. Г. полагала, что время основания Совета министров не случайно совпадает с серьезным приступом власти к подготовке крестьянской реформы, выразившемся в издании 20 ноября 1857 г. высочайшего рескрипта виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову. Совет министров мог задумываться в качестве учреждения, «обсуждающего круг этих проблем и определяющего главные формы и методы их разрешения»³³.

Вместе с тем в соответствии с составленным Суковкиным документом создание Совета министров должно было решить проблему единства управления, став органом власти, коллегиально рассматривавшим и обсуждавшим важнейшие государственные дела. Однако положение не прошло процедуры высочайшего утверждения, что придавало Совету министров, начавшему работу в декабре 1857 г., полуофициальный характер, «своего рода совещания при императоре», названного П. А. Валуевым в 1861 г. «царской думой»³⁴. К тому же император сохранил возможность единоличного решения дел. Процесс конституирования Совета состоялся лишь в 1861 г.

Попытка создания однородного правительства, предпринятая при официальном учреждении Совета министров в 1861 г., была всесторонне рассмотрена В. Г. в следующей статье, появившейся через три года в очередном сборнике ВИД³⁵. Этот период деятельности Совета министров был тесно связан с именем П. А. Валуева, пытавшегося достичь единства государственного управления путем создания европейского «кабинета» министров. Валуев не решился затронуть Совет министров — «личный Совет» императора. В. Г. еще раз обратилась к анализу записки П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г., подробно рассмотрев пункты, в которых

³¹ Там же. С. 129.

³² Там же. С. 130.

³³ Там же. С. 128.

³⁴ Там же. С. 131.

³⁵ Чернуха В. Г. Конституирование Совета министров (1861 г.). С. 164–184.

проектировалось создание «своеобразного “кабинета” на базе уже существующего учреждения — Комитета министров»³⁶.

Предложения Валуева были решительно отвергнуты императором, что следует из его маргиналий, однако спустя месяц монарх поручил савоннику подготовить проект преобразования Совета министров в рамках, обозначенных монаршими пометами. Проект П. А. Валуева, состоявший из двух документов — «Общие соображения» и «Предположения» — и представленный Александру II 24 октября 1861 г. (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 143), стал следующим предметом исследования В. Г. Уже в монографии на основании этой всеподданнейшей записки В. Г. идентифицировала утраченный документ из дела Совета министров — одну из записок, представленных гр. Д. Н. Блудовым императору в ноябре 1857 г. П. А. Валуев в своем проекте от 24 октября 1861 г. ссылается на Блудова, придававшего Совету министров значение «Ближнего совета» императора³⁷. В. Г. обратила внимание, что в докторской диссертации Н. П. Ерошкина³⁸ приведен черновой документ, обнаруженный им в фонде И. Д. Делянова, в котором говорится о создании коллегиального учреждения в качестве «Ближнего совета» императора. Н. П. Ерошкин атрибутировал этот источник как записку, представленную Деляновым Александру II. В. Г. внесла «некоторые коррективы относительно ее авторства и истории представления», уточнив, что записка была составлена в 1857 г. по указанию Александра II, поручившего Д. Н. Блудову представить свои соображения о Совете министров. Блудов, в свою очередь, дал поручение Делянову, служившему под его началом, составить текст документа, но представлял записку императору от своего имени. При идентификации записки В. Г. основывалась на существенных деталях. Она обратила внимание, что в записке говорится о всеподданнейшем докладе императору, который мог представлять только Д. Н. Блудов, тогда как И. Д. Делянов в 1861 г. таким правом не обладал³⁹.

В той же статье в ВИД В. Г. подвергла анализу не только текст проекта П. А. Валуева, но и другой вариант, составленный государственным секретарем В. П. Бутковым и управляющим делами Комитета министров Ф. П. Корниловым после обсуждения в Совете министров. Эта редакция

³⁶ Там же. С. 171.

³⁷ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 143. Л. 1.

³⁸ *Ерошкин Н. П.* Основные тенденции развития высшей государственности феодально-крепостнической России I половины XIX века : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1973. Рукопись.

³⁹ *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма ... С. 144–146.

в большей степени соответствовала позиции Александра II и после внесения в нее незначительных исправлений была утверждена 12 ноября 1861 г. В. Г. отметила две особенности конституированного учреждения. Проблема единства управления была решена императором в виде сохранения своего контроля за деятельностью Совета министров, а проблема «однородности» правительства — путем обновления состава «правительственных лиц за счет новых деятелей, которые оказались бы на уровне стоящих перед страной задач»⁴⁰.

Основные направления деятельности Совета в царствование Александра II были выявлены и проанализированы В. Г. в статье, появившейся в следующем выпуске ВИД⁴¹. В. Г. акцентировала внимание на проблематике и периодичности заседаний, порядке внесения вопросов на обсуждение. Наибольшее число заседаний приходилось на 1857–1862 гг., постепенно Совет министров собирался все реже, а в царствование Александра III вовсе перестал функционировать. В 1861–1882 гг. в поле деятельности учреждения оказалось обсуждение цензурной и военной реформ и тех проблем, по которым Александр II считал необходимым узнать мнение не только руководителей ведомств, но и приглашенных экспертов, допускавшихся на эти заседания. Александр III собирал Совет министров всего два раза, в начале царствования. Наиболее важным было заседание 8 марта 1881 г., созванное в период определения императором своего политического курса. Обсуждение вопроса о введении центральных представительных учреждений на заседаниях Совета министров и Государственного совета в марте – апреле 1881 г. свидетельствует о неустойчивой позиции молодого императора, его колебаниях между правительственным «конституционализмом» и «незыблемостью самодержавия». В итоге в основу внутренней политики был положен принцип сохранения абсолютной власти монарха. Вместе с тем «вновь укрепилась и стала господствующей» практика единоличного приема всеподданнейших докладов. Отмечая угасание Совета министров в последние десятилетия XIX в., В. Г. обратила внимание на справки о его деятельности в предшествующее царствование, составлявшиеся для императора в канцелярии Комитета министров. Очевидно, под воздействием «разговоров о необходимости возобновления заседаний Совета министров» у Александра III время от времени возникали «какие-то намерения», которые остались неосуществленными⁴².

⁴⁰ Чернуха В. Г. Конституирование Совета министров (1861 г.). С. 184.

⁴¹ Чернуха В. Г. Совет министров в 1861–1882 гг. С. 90–117.

⁴² Там же. С. 116.

Резюме статьи подтверждало вывод, к которому В. Г. пришла в первой работе по истории Совета министров — учреждение оказалось нежизнеспособным, он «не прижился в русской государственной системе. Причины этого коренились в сохранении в неприкосновенности системы абсолютизма»⁴³.

Идеи, изложенные В. Г. в статьях, связанных с темой правительственного «конституционализма» и создания Совета министров, вошли в ее монографию «Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. (Л., 1978) в качестве параграфа первой главы — «Первая революционная ситуация и проект П. А. Валуева» — и частично во вторую главу — «Проблема объединенного правительства». В монографии вопрос единства государственного управления рассматривается шире, чем деятельность Совета министров. Третья глава книги посвящена судьбе податной реформы и также связана с именем П. А. Валуева. Несмотря на то что в монографии этот вопрос помещен в заключительной части, именно с него В. Г. начала исследование проблемы правительственного «конституционализма». Уже во втором выпуске сборника ВИД появилась статья В. Г., посвященная Податной комиссии.

Предметом публикации стал всеподданнейший доклад комиссии под председательством П. А. Валуева, рассматривавшей «политический аспект всесословного налогообложения»⁴⁴. В 1869 г. Податная комиссия представила проект замены подушной подати и государственного земского сбора, взимавшихся с крестьян, поземельной податью и подворным налогом. В ходе его обсуждения были выдвинуты предложения о введении всесословного налогообложения. Правительство не без основания полагало, что эта мера повлечет за собой новую волну требований дворянства о создании представительных учреждений. Поэтому специальная комиссия должна была решить, насколько целесообразна такая уступка со стороны самодержавной власти в политическом и финансовом отношениях. Работа комиссии продолжалась с августа 1871 г. по апрель 1872 г., но из документов, характеризующих ее деятельность, в распоряжении историков оказался лишь всеподданнейший доклад председателя от 2 апреля 1872 г.

Разработку и обсуждение реформы налогообложения В. Г. рассматривала как один из векторов, намечавших коренное изменение хода развития страны. Нерешенность этого вопроса во второй половине XIX в. историк относила к числу упущенных возможностей самодержавия, обратив вни-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Чернуха В. Г. Всеподданнейший доклад П. А. Валуева как источник по истории податной реформы 1872 г. // ВИД. Л., 1969. Т. 2. С. 262–269.

мание на внутреннюю связь правительственного «конституционализма» и вопроса о податной реформе.

Во вступительной части своей статьи В. Г. выделила два этапа разработки податной реформы, отнеся комиссию П. А. Валуева ко второму этапу. Эта логика была ею сохранена и в монографии, заключительная глава которой — «Подходный налог и его социально-политическая сущность» — структурно разделена на три части: обсуждение подходного налога в правительстве в 1862–1867 гг., обсуждение земствами податной реформы в 1869–1871 гг., рассмотрение политической стороны подходного налога в комиссии П. А. Валуева⁴⁵. При работе над монографией В. Г. включила в число источников, характеризующих работу комиссии, краткий свод отзывов земских собраний, губернских присутствий и сведений, полученных от губернаторов⁴⁶.

Статьи В. Г., опубликованные в сборниках ВИД, а затем вошедшие в монографию, являлись частью исследовательской лаборатории ученого. После издания книги В. Г. не оставляла эту проблему, систематизируя источники в своей картотеке по разделам «Единство управления» и «Коллегиальность». Следующие за изданием монографии выпуски ВИД позволяют понять, по каким направлениям развивалась научная работа.

В. Г. придавала большое значение истории государственных учреждений как вспомогательной исторической дисциплине, отмечая важность выяснения «структуры государственной власти и механизма ее функционирования» при разработке «проблем внутренней политики, «делавшейся» в рамках государственных учреждений». Попытки самодержавия модернизировать государственное управление, «не прибегая к радикальному преобразованию абсолютной монархии», нашли выражение в появлении специальных учреждений — высших комитетов, создававшихся для решения «какой-либо крупной проблемы внутренней политики», требовавшей «длительного разрешения и ежедневного внимания»⁴⁷.

Подобным учреждением явился Главный комитет об устройстве сельского состояния, историю которого В. Г. осветила в отдельной статье⁴⁸. Ее интерес к этому экстраординарному высшему государственному органу проистекал, очевидно, из работы над кандидатской диссертацией, посвященной крестьянскому вопросу⁴⁹.

⁴⁵ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма ... С. 199–243.

⁴⁶ Там же. С. 230.

⁴⁷ Чернуха В. Г. Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния. 1861–1882 гг. // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 224.

⁴⁸ Там же. С. 223–249.

⁴⁹ Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е годы XIX в.). Л., 1972.

В. Г. отметила, что источниковая база по истории учреждения хорошо представлена в архивах, часть источников опубликована. В историографии вопрос, напротив, оказался недостаточно разработанным. Между тем с Главным комитетом были связаны все аграрные мероприятия внутренней политики самодержавия в пореформенный период⁵⁰.

В. Г. рассмотрела не только предысторию создания Главного комитета об устройстве сельского состояния, но и его организационные и правовые основы, состав, место и роль в системе органов государственной власти, расстановку политических сил, нашедшую отражение в его деятельности. Решение о создании учреждения — вместо Главного комитета по крестьянскому делу — было принято Александром II накануне ввода в действие крестьянской реформы. Император, которому приходилось лавировать «между претензиями помещиков справа и революционной опасностью слева», определил свою позицию в крестьянском вопросе как неукоснительное соблюдение Положений и Правил 19 февраля⁵¹. Главный комитет должен был решить непростую задачу «удержания» действий всех учреждений, причастных к осуществлению реформы, в рамках этого правового поля. В течение 20 лет в Главном комитете об устройстве сельского состояния было сосредоточено все руководство политикой в крестьянском вопросе. Появился даже новый вид законодательного акта, регулирующего этот вопрос до 1917 г., — «высочайше утвержденное положение Главного комитета об устройстве сельского состояния»⁵².

Из функций Комитета проистекал его сложный статус как учреждения, с одной стороны, занимавшегося разработкой законодательных вопросов, с другой — ведавшего административными делами и в то же время являвшегося особой судебной инстанцией, рассматривавшей жалобы на нарушения, происходившие в ходе подписания уставных грамот. Таким образом, Комитет «являл одновременно власть законодательную, исполнительную и судебную», т. е. стоял в одном ряду с Государственным советом и Комитетом министров⁵³.

Заседания Главного комитета одновременно были ареной «непрерывной борьбы мнений о политике в аграрном вопросе»⁵⁴. В. Г. рассмотрела проблематику заседаний Комитета как отражение расстановки

⁵⁰ Чернуха В. Г. Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния. 1861–1882 гг. С. 227.

⁵¹ Там же. С. 231.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 237–238.

⁵⁴ Там же. С. 236.

политических сил в правительственных кругах. «Консервативная партия» во главе в П. А. Шуваловым неоднократно поднимала вопрос об упразднении учреждения, о чем свидетельствуют архивные материалы. В. Г. проанализировала содержание «безымянной и недатированной записки» из личного фонда П. А. Валуева, назвав ее «обвинительным актом против Главного комитета». Историк полагала, что этот документ являлся фактическим обоснованием предложения П. А. Шувалова о ликвидации Главного комитета, с которым он выступил в апреле и мае 1866 г. после выстрела Д. Каракозова⁵⁵. Александр II сохранил Комитет, но с этого времени учреждение постепенно утрачивало свое значение. Заключительный период его деятельности В. Г. охарактеризовала, опираясь на работу Н. М. Дружинина «Главный комитет об устройстве сельского состояния»⁵⁶. Она отметила последний всплеск деятельности учреждения, связанный с внутривластным кризисом конца 1870-х – начала 1880-х гг. Одной из антикризисных мер был признан обязательный выкуп с понижением размера выкупных платежей, именно этим вопросом и занимался Главный комитет в последние годы своего существования. Решение о переводе крестьян на обязательный выкуп, принятое в 1881 г., означало формальное прекращения поземельных отношений крестьян с помещиками, так что функции Главного комитета можно было считать исчерпанными. Этот факт и стал поводом к ликвидации учреждения.

Главный комитет служил ярким отражением либеральных начинаний царствования Александра II. Он выполнил правовую задачу, возложенную на него при основании, но в корне крестьянский вопрос так и остался не до конца разрешенным. В упразднении Главного комитета об устройстве сельского состояния В. Г. отметила один «из ранних симптомов подготавливавшейся в то время политики контрреформ», курса, взятого Александром III на упрочение монархического строя⁵⁷.

В. Г. обратила внимание не только на историю государственных учреждений, но и на реконструкцию правительственной программы как одну из задач вспомогательных исторических дисциплин. Значение этого направления она отметила в статье, посвященной программной записке М. Х. Рейтерна, представленной в сентябре 1866 г.⁵⁸

⁵⁵ Там же. С. 238–241.

⁵⁶ Дружинин Н. М. Главный комитет об устройстве сельского состояния // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 269–286.

⁵⁷ Чернуха В. Г. Из истории государственных учреждений ... С. 248–249.

⁵⁸ Чернуха В. Г. Программная записка М. Х. Рейтерна (сентябрь 1866 г.) // ВИД. Т. 10. С. 269–284.

В. Г. отметила отсутствие документа, который мог быть назван «правительственной программой» пореформенного времени, так что понятие «программа» в контексте внутренней политики второй половины XIX в. является условным. Контуры «правительственной программы» можно восстановить, анализируя «сумму ведомственных программ». Но «случаи представления долгосрочных ведомственных программ, которые бы затем полностью или частично выполнялись», также было нечастым явлением. Это происходило при экстремальных обстоятельствах: либо при смене главы ведомства, либо в кризисных ситуациях. В последнем случае представление и прохождение программы становилось «своеобразным испытанием министра или главноуправляющего на пригодность к руководству ведомством»⁵⁹.

В такой ситуации появилась всеподданнейшая записка М. Х. Рейтерна, содержавшая план «долгосрочного экономического и финансового развития России». Ее появление было вызвано, во-первых, глубоким финансовым кризисом, явившимся следствием истощения казны после Крымской войны и расходов по военному ведомству в период польского восстания 1863–1866 гг. Во-вторых, в этот период усилились оппозиционные выступления дворянства с требованием расширения политических прав, разворачивавшиеся на фоне жалоб помещиков на упадок хозяйства. В-третьих, после покушения Д. Каракозова в правительственных кругах произошло усиление консервативной группировки, что ослабило позиции либерального министра финансов. Сохранить свой пост он мог лишь представив программу мероприятий, способствующих упрочению российской экономики и финансов и одновременно предусматривающих экономическую помощь помещикам⁶⁰. Разработка подобной программы осложнялась тем, что в качестве преемника Рейтерна уже была выдвинута кандидатура генерал-майора свиты А. С. Грейга, назначенного в конце мая 1866 г. товарищем министра финансов.

Рассматривая сюжет назначения Грейга, В. Г. остановилась на проблеме профессионального соответствия высших сановников в середине XIX в., отметив несколько особенностей самодержавной системы управления. Первостепенное значение имели не профессиональные качества, а желание императора, подчиняясь которому, чиновник должен был компенсировать свою некомпетентность «усердным стремлением» послужить государю. Зачастую новые кадры государственных деятелей рекрутировались из генерал-адъютантов, считавшихся «универсалами.

⁵⁹ Там же. С. 269–270.

⁶⁰ Там же. С. 270–271.

пригодными для любой высшей должности». «Институт генерал-адъютантов был своего рода “запасником” государственных деятелей», Сенат и Государственный совет — «складом, куда отправляли на покой несостоявшихся государственных деятелей первого и второго разрядов»⁶¹.

М. Х. Рейтерн разработал и в сентябре 1861 г. представил программную записку, опубликованную А. Н. Куломзинным и В. Г. Рейтерн-Нолькеном в биографическом очерке министра. В. Г. назвала главные задачи, сформулированные в записке (интенсивное железнодорожное строительство, усиление внешней и внутренней торговли, широкое привлечение иностранного капитала, ликвидация дефицитности бюджета)⁶². Научный интерес представляет обсуждение финансовой программы в Комитете финансов 29 сентября и Совете министров 6 октября 1866 г. Оба заседания проходили в обстановке секретности, что было обусловлено обострением финансового кризиса и нарастанием общественного «возбуждения». Источниками, на основании которых В. Г. реконструировала события, стали дневник П. А. Валуева, постановление Комитета финансов и сочинение И. С. Блюха «Финансы России XIX столетия» (СПб., 1882). Текст постановления Комитета финансов свидетельствовал о признании правительством кризисного состояния экономики. Для покрытия расходов оно прибегло к «традиционному способу — усилению налогового бремени крестьянства (подушной и оброчной податей)». Вместе с тем в повестку дня был поставлен вопрос и о подоходном налоге — пока еще в качестве проблемы, «подлежащей обсуждению»⁶³. П. А. Валуев оценил результат заседания Комитета финансов как равный нулю, однако В. Г. полагала, что главным итогом заседания стало одобрение программы М. Х. Рейтерна⁶⁴.

В заседании Совета министров в центре дискуссии оказался вопрос о сокращении сметных расходов по ведомствам. Против этой меры резко выступили военный министр Д. А. Милютин и министр почт и телеграфов И. М. Толстой. Несмотря на то что было принято решение о сокращении министерских смет, И. М. Толстому при личном докладе Александру II удалось добиться дополнительных ассигнований для своего ведомства. Указывая на этот факт, В. Г. подчеркнула еще одну характерную черту Совета министров, отличающую его от европейского «кабинета»: «при

⁶¹ Там же. С. 274.

⁶² Там же. С. 277.

⁶³ Там же. С. 281.

⁶⁴ Там же. С. 282.

личном докладе министр мог получить от императора разрешение, перечеркивающее только что принятое в коллегии решение»⁶⁵.

В. Г. отметила значение программы М. Х. Рейтерна во внутренней политике второй половины XIX в. Ее положения были осуществлены, она стала отправным пунктом для реализации важнейших финансово-экономических мероприятий царствования Александра II⁶⁶.

Одним из главных факторов, определявших направление внутривластного политического процесса в пореформенный период, являлись отношения, складывающиеся между самодержавной властью и сословными учреждениями, а после 1864 г. — органами местного самоуправления. Этот аспект внутренней политики и возможности ее альтернативного развития стал объектом совместного исследования В. Г. Чернухи и В. А. Нардовой, опубликовавших в ВИД статью, посвященную «законам 13 июня 1867 г.»⁶⁷. Имеются в виду два постановления Государственного совета, направленные против земских и дворянских собраний: «О порядке производства дел в земских, дворянских и городских, общественных и сословных собраниях» и «О порядке печатаний постановлений, отчетов о заседаниях, а также суждений, прений и речей, состоявшихся в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях». Авторы статьи рассмотрели эти законодательные акты в контексте истории адресной кампании, развернувшейся в первое пореформенное десятилетие, когда дворянство воспользовалось «предоставленным ему правом прямого обращения к царю (в форме так называемого “адреса”) с заявлением о своих “нуждах”». Подобные адреса активно принимались на дворянских собраниях в конце 1861 – начале 1862 гг.⁶⁸ Следующий всплеск активности пришелся на начало 1865 г., когда московское дворянское собрание выдвинуло в своем адресе требование введения представительных учреждений. Не желая раздражать «фрондирующее дворянство» репрессиями, правительство прибегало к разнообразным административным мерам: фиксированной повестке дня собраний, отклонению адресов из-за нарушения процедурных формальностей при их составлении, опубликованию высочайшего рескрипта, разъяснявшего политику правительства в вопросах общегосударственного представи-

⁶⁵ Там же. С. 283.

⁶⁶ Там же. С. 284.

⁶⁷ Нардова В. А., Чернуха В. Г. Законы 13 июня 1867 г. // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 171–192.

⁶⁸ Там же. С. 173.

тельства⁶⁹. Примечательно, что власть видела причину недовольства дворянского сословия в первую очередь в его «экономических трудностях», для преодоления которых в 1866 г. создается Общество взаимного поземельного кредита⁷⁰.

В 1865 г. адресная кампания дворянских собраний сменилась выступлениями земства, требующего расширения своей компетенции и создания общегосударственного представительства. «Конституционные» требования земства были решительно блокированы правительством. В. Г. Чернуха и В. А. Нардова подвергли научному анализу ход обсуждения антиземских мер, которые рассматривались в правительственных кругах в 1865–1866 гг., — проект изменения Положения о земских учреждениях, составленный П. А. Валуевым, всеподданнейшая записка П. А. Шувалова, проект В. Н. Панина о пересмотре Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, и наконец, проект «Дополнительных правил о порядке производства дел в сословных и общественных собраниях», утвержденный 13 июня 1867 г. Дополнением к последнему законодательному акту «был принят закон о порядке печатания материалов сословных и общественных собраний» (к этому сюжету В. Г. вернулась в монографии о печати)⁷¹. В результате была ограничена свобода прений и гласность собраний⁷², сословные и общественные учреждения потеряли возможность активно влиять на внутреннюю политику. Статья В. Г. Чернухи и В. А. Нардовой дает представление о том, как правительство постепенно сворачивало с пути реформ и создание центральных представительных учреждений становилось нереализованной альтернативой.

Наряду с изучением истории государственных учреждений В. Г. придавала большое значение еще одному новому направлению вспомогательных исторических дисциплин — истории общественных организаций: «ученых обществ, клубов и других объединений, составлявших неотъемлемую часть общественно-политической жизни России». Эти организации, возникавшие в пореформенный период, становились новыми формами «социального единения» дворянства, его участия в политической жизни во второй половине XIX в. Нерешенность пра-

⁶⁹ Там же. С. 173–175.

⁷⁰ Там же. С. 175.

⁷¹ Подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати ... С. 78–79.

⁷² Там же. С. 178–191.

вительством насущных задач создания объединенного правительства и центральных представительных учреждений приводила к попыткам решить эти проблемы общественными силами. В поле зрения В. Г. оказалась история двух ученых обществ — Политико-экономического комитета Русского географического общества⁷³ и Петербургского собрания сельских хозяев⁷⁴.

Источники по истории Политико-экономического комитета оказались очень скудны, фонд Комитета в Архиве Географического общества к концу прошлого столетия был утрачен. Следы его деятельности можно найти в издании ИРГО — «Вестник ИРГО». Для объемного воссоздания деятельности Комитета В. Г. привлекла множество косвенных свидетельств — дневниковые записи и воспоминания участников.

Политико-экономический комитет был создан по инициативе 19 членов Отделения статистики Географического общества. Список учредителей приводился в записке, направленной ими в Отделение статистики и опубликованной в девятом номере «Вестника ИРГО» за 1859 г. Проанализировав состав учредителей, В. Г. отметила их связь с тремя министерствами: внутренних дел (Я. А. Соловьев, А. Ф. Штакельберг, Н. А. Милютин), государственных имуществ (П. А. Валуев) и финансов (В. П. Безобразов, А. И. Бутовский, Ю. А. Гагемейстер). Это были чиновники «европейской ориентации», сыгравшие большую роль во внутренней политике пореформенного периода⁷⁵. Их возможность влиять на политику определила одну из главных задач учреждаемого комитета. Вслед за научной разработкой экономических проблем и выработкой согласованной позиции практическое претворение научных выводов должно было способствовать преодолению межведомственной разобщенности. «Нежелание самодержавия пойти на организацию кабинета и парламента порождало серию предложений и приспособительных мер по созданию на разных уровнях суррогатов этих учреждений. Случай с Политико-

⁷³ Чернуха В. Г.: 1) Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.) // ВИД. Л., 1989. Т. 20. С. 89–102 ; 2) Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.) // ВИД. Л., 1990. Т. 21. С. 74–88.

⁷⁴ Чернуха В. Г. Петербургское собрание сельских хозяев (1860-е гг.) // ВИД. Л., 1985. Т. 17. С. 201–213.

⁷⁵ Чернуха В. Г. Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.). С. 92–93.

экономическим комитетом был именно таким»⁷⁶. Еще одной задачей Комитета была «подготовка общественного мнения к содержанию будущей экономической политики»⁷⁷. Комитет имел все шансы наиболее успешно справиться с последней задачей, поскольку его заседания были активно посещаемы не только членами, но и большим количеством приглашенных гостей. В этих собраниях обсуждались злободневные вопросы — об отношении государства к частному предпринимательству, обложение налогом крепких напитков, тема бумажных денег, проблема колонизации, последствия крестьянской реформы, подушный принцип налогообложения, гласность в финансовом управлении, наиболее целесообразные формы эксплуатации государственных имуществ⁷⁸.

Сложно сказать, насколько сумел бы Политико-экономический комитет реализовать задачу создания в правительстве единства — слишком недолгой оказалась его деятельность — с 28 февраля 1859 г. по 26 ноября 1862 г. Активность Комитета была воспринята бюрократией и монархом как превышение полномочий, вмешательство общества в дела правительства. Географическое общество, покровителем которого был вел. кн. Константин Николаевич и вокруг которого, как и в Морском министерстве, группировалась либеральная бюрократия, в начале 1860-х гг. вызывало настороженное отношение администрации. В Политико-экономическом комитете она увидела «учреждение большого общественного влияния»⁷⁹.

Формальным поводом для воздействия на Комитет стало приглашение на заседание в качестве экспертов директоров департаментов Министерства государственных имуществ в обход министра. Глава ведомства пожаловался на этот факт императору в день своего доклада, 18 декабря 1861 г., и уже через три дня, 21 декабря, на заседании Совета министров Александр II поднял вопрос о воздействии на Политико-экономический комитет. В. Г. воссоздала картину напряженного обсуждения в правительственных кругах вопроса о судьбе Политико-экономического комитета, отметив, что оно совпало с усилением реакции на крестьянские бунты и активизацию революционного движения. Были арестованы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич, а последний входил в Политико-эко-

⁷⁶ Там же. С. 96.

⁷⁷ Там же. С. 98.

⁷⁸ Чернуха В. Г. Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.). С. 74–80.

⁷⁹ Чернуха В. Г. Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.). С. 90.

номический комитет⁸⁰. В поле зрения историков в середине XX в. оказался документ, охарактеризованный как «“донос” на Политико-экономический комитет». Он хранился в Архиве Географического общества, был найден заведующим Е. И. Глейбергом, а затем вновь утерян. Содержание было приведено в статье В. М. Штейна, посвященной роли Географического общества в развитии общественной мысли в России. В. Г. внимательно отнеслась к положениям, приведенным в статье историка⁸¹. Среди обвинений, высказанных по адресу Комитета и его членов, был упрек в привлечении «неблагонадежных элементов», учреждении «парламентских прений» по вопросам государственной важности. В итоге автор «доноса» предлагал закрыть Комитет⁸².

Правительство решило не прибегать к крайним мерам, а поставить научное учреждение под контроль министра внутренних дел, которому на утверждение необходимо было передавать программу занятий. Таким образом нарушалась автономия Комитета, свободное обсуждение финансово-экономических проблем становилось невозможным. Поэтому на последнем заседании 26 ноября 1862 г. большинством голосов члены Комитета приняли решение о прекращении работы⁸³.

Оценивая значение Политико-экономического комитета в общественной жизни в период реформ, В. Г. полагала, что он сыграл важную роль в консолидации либеральных экономистов, оказал влияние на их взгляды и на проводимую ими политику. «Это были идеи развития частной предприимчивости, фритредерства, подоходного налогообложения, европеизма». Правительству не удалось полностью поставить под контроль общественное мнение. Свободное обсуждение насущных финансово-экономических вопросов приняло иные формы — «экономические обеды», собиравшиеся раз в месяц в ресторане Донона вплоть до начала XX в.⁸⁴

Частично члены Политико-экономического комитета после его закрытия переместилась в подобный комитет Вольного экономического

⁸⁰ Чернуха В. Г. Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.). С. 85.

⁸¹ Чернуха В. Г.: 1) Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.). С. 90 ; 2) Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.). С. 86.

⁸² Чернуха В. Г. Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 г. – 26 ноября 1862 г.). С. 86.

⁸³ Там же. С. 87.

⁸⁴ Там же. С. 88.

общества, сосредоточившийся на хозяйственных вопросах, а потому избежавший гонений; часть из них вошла в состав созданного в сентябре 1863 г. Петербургского собрания сельских хозяев. Если Комитет был попыткой преодоления межведомственной разобщенности в экономических вопросах, то появление Собрания стало «имитацией не разрешенных в России политических партий», путем создания которых дворянское сословие пыталось оказывать давление на правительство, отстаивая свои интересы. В. Г. подчеркнула сложность поисков «фрондирующим» дворянством формы объединения, «которая была бы наиболее целесообразна для помещиков и одновременно не встретила бы возражения правительства». Собрание должно было стать местом постоянного общения и обмена мнениями по широкому кругу вопросов и одновременно решить «задачу научно-практического обсуждения и разрешения специфических интересов землевладельцев, ведущих собственное хозяйство». В итоге появилась новая для России форма объединения, «имеющего черты как ежедневно открытого клуба, так и время от времени собирающегося для деловых и научных дискуссий собрания», «в основе которой был английский образец»⁸⁵.

В. Г. подробно рассмотрела процедуру учреждения Собрания, его устав и основные этапы деятельности. Собрание просуществовало до 1917 г. Заседания проходили сначала в доме петербургского дворянства (ныне Большой зал филармонии), а затем в доме Юсупова на Невском пр. (нынешний адрес — Невский пр., 86)⁸⁶. Формы научной деятельности Собрания были разнообразны: индивидуальные доклады с последующим обсуждением, доклады специально избранных комиссий, сообщения, беседы и, наконец, «сельскохозяйственные обеды»⁸⁷.

Члены Собрания — петербургские чиновники и предприниматели — являлись одновременно помещиками самых разных губерний, что придавало организации всероссийский масштаб, позволяло рассматривать широкий круг проблем: реформа паспортной системы (в связи с необходимостью регулирования отношений нанимателей и нанимаемых), организация сельскохозяйственного кредита, роль общины, железнодорожное строительство, развитие специального образования и т. д. При обсуждении этих тем поднимались и политические вопросы, выражавшие «стремление дворянства получить прямое влияние на правительственную

⁸⁵ Чернуха В. Г. Петербургское собрание сельских хозяев (1860-е гг.). С. 202–203.

⁸⁶ Там же. С. 203–205.

⁸⁷ Там же. С. 207.

политику». В. Г. заострила внимание на деятельности Собрания как политического клуба, связанной в 1860-е гг. с председательством в заседаниях кн. Г. А. Щербатова, возглавлявшего «партию реформ». «В докладах и дискуссиях звучали упреки в недопущении дворянства к кормилу государственного управления, в пренебрежении его интересами, требования о расширении политических прав дворянства и земства». Так, участвуя в обсуждении доклада о земских повинностях, Г. А. Щербатов настаивал на санкционировании налогов землевладельцами⁸⁸. Трибуна Собрания «в качестве общественной кафедры» получила «небольшую аудиторию», а попытки расширить ее натолкнулись на противодействие правительства, «снисходительно» смотревшего «на политические заявления, делаемые в ходе научных дискуссий, но всячески» препятствовавшего «призывам и декларациям, высказываемым в широком кругу», например, в застольных тостах на торжественных обедах. Отказ правительства от намерений ввести центральные представительные учреждения и наступление на местные учреждения, разгон в 1867 г. земских учреждений Петербургской губернии нанесли удар по политическому влиянию Собрания⁸⁹.

Постепенно проблематика заседаний стала сужаться, в начале XX в. в повестке дня стояли лишь агротехнические темы. После 1905 г. политическая и общественная деятельность «обрела новые организационные формы», сосредоточившись в политических партиях и Государственной думе. Однако в заседаниях Собрания продолжали появляться видные государственные и общественные деятели⁹⁰.

Подводя итог деятельности Петербургского собрания сельских хозяев, В. Г. обозначила проблемы и новые направления изучения этой темы. Отметив, что проследить историю Собрания несложно благодаря имеющимся в распоряжении исследователей историческим источникам, она подчеркнула, что особый интерес представляет внутренняя жизнь этого своеобразного клуба, в которой участвовали издатели и журналисты. Тщательное изучение мемуарной литературы и эпистолярного наследия может дать ответ на вопрос о мотивах и размерах их участия в Собрании. Другой проблемой является научная оценка влияния клуба и его места в общественной жизни. Этот аспект исследований ставит в повестку дня изучение

⁸⁸ Там же. С. 210–211.

⁸⁹ Там же. С. 212.

⁹⁰ Там же. С. 213.

роли других столичных клубов — Английского, Яхт-клуба, Нового, Общественных деятелей⁹¹.

Отсутствие возможности обсуждать государственные проблемы в парламентских дискуссиях привело к развитию иной формы выступлений, с помощью которой общественные деятели пытались оказать влияние на правительственную политику и общественное мнение — публицистику. В. Г. обратила внимание на эту специфическую трибуну, с которой «выступали» и «партия реформ», и «консервативная партия». Рассматривая идейную борьбу 1870-х гг., историк выделила два публицистических сочинения, написанных «с противоположных тактических позиций по одному и тому же вопросу», — о дальнейшем пути развития внутренней политики. Это работа Р. А. Фадеева «Чем нам быть», отстаивавшая консервативную программу, и сочинение А. И. Васильчикова «Тайная полиция в России», написанное с целью сокрушить «консервативную партию», «вербовать сторонников» либеральных взглядов. Оба произведения появились в 1874 г., но если статьи Р. А. Фадеева сначала публиковались в газете «Русский мир», а затем вышли отдельным изданием⁹², то сочинение А. И. Васильчикова так и не увидело света. Именно ему В. Г. посвятила статью в очередном сборнике ВИД⁹³.

Статья начинается краткой биографической справкой, освещающей основные жизненные вехи этого крупного деятеля эпохи Великих реформ, чьи сочинения активно влияли на формирование взглядов современников. Кн. А. И. Васильчиков был представителем родовитой аристократии, вступившим в период отмены крепостного права в ряды земцев. Работа в земстве привела его к убеждению в необходимости развития местного самоуправления как «поприща для сотрудничества “общества” с самодержавием». Уже в этот период он занялся журналистикой, надеясь, что его статьи будут способствовать предотвращению революционных волнений. Большая часть работ Васильчикова была посвящена разработке хозяйственных вопросов, став «характерным явлением в развитии русской экономической мысли пореформенной поры», «концепцией дворянского экономического либерализма»⁹⁴.

⁹¹ Там же.

⁹² *Фадеев Р. А.* Русское общество в настоящем и будущем : (Чем нам быть?). СПб., 1874.

⁹³ *Чернуха В. Г.* Неизвестное публицистическое сочинение А. И. Васильчикова // ВИД. Л., 1985. Т. 16. С. 202–216.

⁹⁴ Там же. С. 202.

Отметив, что публицистические выступления А. И. Васильчикова в печати по общественно-политическим вопросам не так многочисленны и менее известны, В. Г. остановилась на их проблематике, объяснявшей историю появления неопубликованного сочинения. Все они были вызваны усилением консервативных тенденций во внутренней политике, опасением свертывания либеральных реформ. Подобные произведения, содержавшие критику правительственных действий, не могли быть пропущены российской цензурой, поэтому Васильчиков, как и его единомышленники, прибегал к помощи европейских издателей⁹⁵.

Неизвестную рукописную работу А. И. Васильчикова В. Г. обнаружила «среди бумаг семейного архива Васильчиковых» (РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936). Имя автора не было проставлено. Историк расшифровала название сочинения — «Тайная полиция в России», установила авторство, время работы над произведением (вторая половина 1872 – первая половина 1874 г.) и ввела произведение в научный оборот. Идея работы — «размышления о перспективах развития России по консервативному пути» — раскрывается в 11 разделах, посвященных анализу внутренней политики российского правительства. В первом разделе рассматривается внутривластный процесс за предшествующие 100 лет, в остальных разделах дана характеристика царствования Александра II⁹⁶. Отметив, что последний раздел рукописи направлен против шефа жандармов П. А. Шувалова, имя которого осталось неназванным в тексте, В. Г. объяснила причины, по которым произведение не было издано. Летом 1874 г. П. А. Шувалов, лидер консервативной группировки, был отправлен в отставку. Этот шаг Александра II мог быть истолкован «как несогласие» императора с консервативным направлением, поэтому А. И. Васильчиков решил «повременить, чтобы выяснить, какой оборот примет политика. Работа, слишком заостренная на одной персоне — шефе жандармов, внезапно утратила в такой именно форме свое значение»⁹⁷. Однако она сохранила значение важного исторического источника, характеризующего не только взгляды автора, но и содержание и формы борьбы общественно-политических сил в пореформенный период⁹⁸.

⁹⁵ Там же. С. 205–206.

⁹⁶ Там же. С. 207–215.

⁹⁷ Там же. С. 207–208.

⁹⁸ Сочинение А. И. Васильчикова опубликовал И. А. Христофоров. См.: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 320–381.

Различные течения в публицистике 1860–1870-х гг. В. Г. выделила в статье, опубликованной в очередном выпуске «Трудов ЛОИИ»⁹⁹. Она отметила не только демократическое и либеральное, но и консервативное течение, а также официозную печать. Эта тема получила развитие в монографии о печати, где В. Г. подробно рассмотрела положения книги Р. А. Фадеева «Чем нам быть». Сочинение Р. А. Фадеева содержало «программу укрепления пополненного буржуазными элементами дворянского сословия» с тем, чтобы оно как «консервативный политический центр общества» было способно противостоять демократическим началам и не допустить развития событий по «французскому образцу» (т. е. Парижской Коммуны). Книга отражала доктрину «консервативной партии» и, соответственно, вызвала отклики либеральных публицистов — К. Д. Кавелина, Ф. М. Дмитриева, А. И. Кошелева¹⁰⁰.

В. Г. Чернуха. Начало 1960-х

Таким образом, в статьях В. Г., опубликованных в сборниках ВИД, представлен широкий спектр форм политической и общественной жизни России эпохи Великих реформ. В. Г. рассмотрела возможности альтернативного решения самых острых вопросов внутренней политики второй половины XIX в. и причины выбора, сделанного властью. Историк проанализировала отношения между властью и обществом, попытки законодательным путем направить развитие страны в русло политической модернизации, различные аспекты проявления общественного мнения.

В. Г. начала разрабатывать новые направления и задачи исторических вспомогательных дисциплин: изучение роли общественных организаций, представлявших ранние институты зарождавшегося гражданского общества, исследование проблемы разработки правительственной программы и форм ее представления, источниковедческий анализ мемуарной литера-

⁹⁹ Чернуха В. Г. Проблемы внутренней политики в русской публицистике 60–70-х гг. XIX в. // *Общественная мысль в России*. Л., 1986. (Труды ЛОИИ АН СССР; вып. 16.). С. 132–158.

¹⁰⁰ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати ... С. 48.

Сектор истории СССР периода капитализма Ленинградского отделения
Института истории АН СССР. Сидят (слева направо):

В. С. Дякин, В. Г. Чернуха, С. Н. Валк, И. А. Бакланова, Р. Ш. Ганелин,
Т. В. Андреева, В. А. Нардова. Стоят (слева направо): Б. В. Ананьич,
Б. Б. Дубенцов, А. Н. Цамутали, С. И. Потолов, Т. М. Китанина,
Э. Э. Крузе, Л. Е. Шепелев, У. А. Шустер, М. М. Сафонов,
В. Н. Гинев, Ю. Б. Соловьев.

Начало 1970-х

туры и исторической журналистики. Ее работы по этим темам публиковались помимо ВИД в ведущих отечественных исторических журналах и сборниках конференций¹⁰¹. В статьях и монографиях В. Г. щедро дели-

¹⁰¹ Подробнее см. работы В. Г. Чернухи: **по истории общественных организаций**: Сельскохозяйственный съезд I округа в Петербурге (1881 г.) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 1987 ; Создание Общества взаимного поземельного кредита // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX в.: к проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1987. С. 182–200 ; Сельскохозяйственные общества в России в 60–70-е гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России: к 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991; **по проблемам формирования общественного мнения**: Понятие «общественное мнение» у Н. А. Добролюбова и его современников // Революционно-демократические традиции и русская культура. Л., 1987. С. 49–61 ; Чернильные перемены (Власть и общество: этапы расхождения) // Роди-

В. Г. Чернуха на кафедре. Конец 1990-х

лась своими научными идеями, предоставляя возможность дальнейшего их развития следующим поколениям историков.

на. 1991. № 11/12. С. 108–111 ; Полемика вокруг проблемы патриотизма в начале 1860-х гг. // Патриотические традиции русской культуры. СПб., 1993. С. 74–90; **по проблемам разработки правительственной программы**: Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // Исторические записки. 1998. Т. 116. С. 161–186 ; Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов, 1890–1900 годы) // Родина. 1992. № 2. С. 30–35 (в соавт. с Б. В. Ананьичем); П. А. Зайнчковский и изучение истории правительственного конституционализма // П. А. Зайнчковский, 1904–1983 гг.: статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 238–249 (в соавт. с Б. В. Ананьичем и Р. Ш. Ганелиным); **биографические очерки**: М. Х. Рейтерн // Русско-немецкие контакты в биографии Санкт-Петербурга. СПб., 1992. Вып. 1. С. 16–17 ; Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 97–106 ; О Б. Н. Чичерине // Звезда. 1994. № 10. С. 108–110 ; Забытый общественный деятель — граф В. П. Орлов-Давыдов (1809–1882) // Из глубины времен. 1996. № 6. С. 54–64 ; Великая княгиня Елена Павловна на государственной арене // О благородстве и преимуществе женского пола: из истории женского вопроса в России. СПб., 1997. С. 85–93 ; Модель карьеры государственного деятеля на стыке эпох: С. А. Грейг // Проблемы всемирной истории : сб. ст. в честь А. А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 322–331 ; Н. А. Мельников и его мемуары // Звезда. 2002. № 7. С. 114–116.